

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

(ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Августа 15. № 16. 1908 года.

„Кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ.“

(Слово вразумленія глаголемымъ старообрядцамъ и живущимъ среди нихъ православнымъ).

Если бы намъ предложили вопросъ, кому изъ людей мы болѣе всѣхъ должны быть обязаны въ жизни, кто долженъ быть ближе всѣхъ нашему сердцу, кого мы болѣе всѣхъ любить, уважать, слушаться и защищать, то, я думаю, каждый изъ насъ не обинуясь отвѣтилъ бы: конечно, родную нашу мать! въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ только мы не обязаны матери? Она насъ родила, дала намъ жизнь, а слѣдовательно и право наслаждаться благами жизни, она кормила и делала насъ, когда мы были малютками; она заботливо охраняла насъ отъ всего худого во время младенчества и отрочества, она терпѣливо ходила за нами во время болѣзней, словомъ, она вырастила насъ, воспитала, и ей, главнымъ образомъ, мы обязаны своимъ существованіемъ. Удивительно-ли, послѣ этого, что мы все такъ любимъ, уважаемъ, слушаемся и защищаемъ? И какъ можно было бы назвать такого человѣка, который за любовь и заботы матери сталъ бы отвѣчать ей грубостью и неповиновеніемъ? — Не иначе, какъ дерзкимъ и негоднымъ сыномъ! Такой сынъ былъ бы несчастіемъ для матери и позорищемъ для всей семьи. Любовь къ матери должна быть нашимъ долгомъ, нашею священною обязанностію.

Но Братіе, укаждаго изъ насъ, помимо плотской матери, есть еще другая, несравненно болѣе дорогая, любящая и заботящаяся о насъ, духовная мать. Насколько духъ выше тѣла и дороже для насъ, настолько и духовная мать должна быть выше и дороже для насъ плотской матери. Эта духовная мать наша есть Святая Православная Христова Церковь. Когда же о комъ только не печется изъ насъ эта духовная мать? Подобно плотской матери, она, съ самаго момента нашего рожденія, уже простираетъ заботы свои о насъ... Родился младенецъ и него тотчасъ-же купаютъ и моютъ; матери пріятнѣе видѣть своего ребенка чистень-

кимъ. И духовная мать дѣлаетъ тоже: она благодатно омываетъ его въ таинствѣ крещенія отъ прирожденной каждому скверны грѣховной, дѣлая новокрещеннаго невиннымъ и чистымъ какъ ангела. Новорожденное дитя мать бережетъ и защищаетъ, нѣжно прижимая къ своей груди, — она боится, что-бы ничто грязное не коснулось ребенка, ничто не могло ему повредить. И Св. Церковь дѣлаетъ тоже: она въ таинствѣ муропомазанія сообщаетъ ему дары Св. Духа — Утѣшителя, помогающіе ему жить свято и удерживающіе его отъ всего нечистаго и порочнаго. Ребенку нужна пища и мать кормитъ его грудью. И Св. Церковь дѣлаетъ тоже: она въ таинствѣ Св. Причащенія питаетъ его духовнымъ молокомъ — Тѣломъ и Кровію Христовою. Но вотъ ребенокъ подросъ, на душѣ его, доселѣ невинной и святой, появились грѣховныя пятна, а по мѣрѣ дальнѣйшаго возрастанія разрастаются и грубыя страсти и тяжкія грѣхопаденія. Церковь и тутъ является грѣшнику на помощь. Она нѣжно и любовно говоритъ ему: иди къ священнику, съ сокрушеніемъ кайся ему въ своихъ грѣхахъ, и чрезъ него Милосердый Господь проститъ тебя. Вступаетъ человекъ въ бракъ, проситъ благословенія матери и Церкви, — духовная мать, — благословляетъ его... Сдѣлался боленъ человекъ, къ кому идетъ за утѣненіемъ? Конечно, въ Церковь, и она, духовная мать, призываетъ на него благодать исцѣляющую; она утѣшаетъ его, говоря: покайся въ грѣхахъ, причастись Св. Таинъ, и если ты даже помрешь послѣ этого, тебя ожидаетъ блаженство въ будущей жизни — рай. Наконцѣ помираетъ человекъ, куда его несуть? Опять же въ церковь, и духовная мать опять наутѣвуетъ его, благословляетъ и провожаетъ въ иную жизнь, съ пожеланіемъ блаженства въ загробной жизни. Словомъ, нѣтъ такого момента, нѣтъ такого случая въ нашей жизни, который-бы она не благословляла, на который-бы она, какъ любящая мать не отзывалась. Къ ней человекъ обращается и въ радости и въ горѣ, и нѣтъ у нея никому отказа, напротивъ все въ любви и ласкѣ. „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, азъ упокою вы“ (Мат. XI, 28), говоритъ она словами Спасителя. Видите, какъ беспокоится о насъ Св. Церковь; какъ она насъ любитъ, заботится о насъ и бережетъ насъ. Чѣмъ же мы должны отвѣчать на любовь и ласки матери? Конечно, и мы должны отвѣчать ей тѣмъ же. Въдь это же нашъ сыновній долгъ, ваша святая обязанность. Знаете, какъ пріятно бываетъ

матери, когда дѣти любятъ ее, слушаются и защищаютъ и, напротивъ, какую болью поражается ея родительское сердце при видѣ грубости и непокорности.

Оглянемся, братіе, на себя и посмотримъ: всё ли мы любимъ свою духовную мать — Св. Церковь, всё ли преданы и послушны ей? Къ несчастію, далеко не всё! Конечно, трудно допустить, что бы всё мы совершенно одинаково могли любить свою духовную мать и повиноваться ей. Вѣдь и въ семьѣ не всё дѣти одинаковы. Но, братіе, какъ бы вы назвали тѣхъ дѣтей, которые стали бы говорить о своей матери такимъ образомъ: хотя ты насъ родила, дала намъ жизнь, хотя ты заботилась о насъ, любила насъ, хотя мы почти всёми обязаны тебѣ, но мы тебя знать не хотимъ, не желаемъ считать тебя матерью, и ты не зови насъ сыновьями; мы отказываемся отъ тебя! Да могутъ ли быть такіе жестокіе люди, удивитесь вы. Не только могутъ, но и есть между нами. Эти люди — наши несчастные братья — старообрядцы-раскольники. Многие изъ нихъ въ свое время получили благодатно-духовное рожденіе младенцами въ церкви, отъ нея же получили дары Св. Духа въ таинствѣ миропомазанія; церковь раньше питала ихъ въ таинствѣ ев. причащенія духовною пищею — Тѣломъ и Кровію Христовою; въ церкви они получали разрѣшеніе отъ грѣховъ черезъ служителя Христова; церковь благословляла ихъ законною супружествомъ. А теперь послушайте, что они говорятъ про нашу Церковь, свою духовную мать, чѣмъ ей за это платятъ: „Мы не признаемъ тебя своею духовною матерью. Правда, до 1666 года ты была намъ истинною матерью, но съ тѣхъ поръ, какъ Никонъ Патріархъ вступилъ на патріаршество, нарушилъ старую и вѣрную Церковь, ты перестала быть намъ истинною матерью и стала мачехой!“

Несчастные, — они забываютъ, что Самъ Христосъ основалъ Церковь и вложилъ въ нее вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію (2 Петр. 1, 3); что для этого Онъ приходилъ на землю и что Самъ поручился за нея: „могуществомъ и нерушимостью: „Созжду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ю“ (Мф. 16, 18), сказалъ Онъ. Могъ ли человекъ, Никонъ, уничтожить Церковь и оказаться сильнѣе Христа? Могли ли твореніе Божіе могущественнѣе Своего Творца и одолѣть Его? Вотъ до какого ослѣпленія могутъ дойти люди! Они Самому Христу какъ бы говорятъ: хотя Ты приходилъ на землю

для нашего спасенія, хотя Ты пострадалъ за насъ, основалъ для насъ Церковь съ священствомъ и таинствами, но мы можемъ обойтись и безъ всего этого: и безъ Церкви и безъ священниковъ и безъ таинствъ. Вотъ, братіе, до какого кощунства, до какого ожесточенія и до какой самонадѣянности можетъ довести людей нелюбовь къ Церкви, духовной матери, и злоба на пастырей ея! Несчастные, они забываютъ, что за все это они должны будутъ дать отвѣтъ Богу! На страшномъ Судѣ Своёмъ Христосъ спроситъ ихъ: „любилити вы Церковь, которую Я основалъ на землѣ для вашего же спасенія? Прибѣгали ли къ таинствамъ церковнымъ? Слушали ли поставленныхъ мною пастырей духовныхъ?..“ Что скажутъ раскольники? Чѣмъ они будутъ оправдываться? Они, какъ и теперь, пожалуй, станутъ отвѣчать: „Никонъ Патріархъ порушилъ Церковь, и мы съ тѣхъ поръ не принадлежимъ къ ней“. А кто, спроситъ ихъ Христосъ, сказалъ вамъ, что Никонъ Патріархъ могъ уничтожить Церковь, когда Я вамъ ясно сказалъ, что все никогда и никакія силы ада не могутъ разрушить? Почему вы не повѣрили Моимъ словамъ, когда Я твердо сказалъ: „Небо и земля мимо идутъ, слова же Моя не имутъ прейти“ (Лук. 21, 33)? Замолкнуть тогда раскольники. Имъ нечего будетъ сказать въ свое оправданіе, ибо они, действительно, сами придумали (вѣрнѣе — ихъ пастыри, защищая свое ложное ученіе), что Никонъ одолѣлъ Церковь; объ этомъ не написано ничего въ отодѣй книгѣ. Тогда Христосъ съ великимъ гнѣвомъ скажетъ имъ: „вы гнѣте Мои, Я васъ не знаю, идите отъ Мене проклятіе въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его“ (Мат. XXV, 41); и иттидутъ они въ муку вѣчную. Вотъ какой конецъ ждетъ тѣхъ, которые противятся церкви и не повинуются ей.

Братіе, будемъ всегда любить свою духовную мать и крѣпко держаться ея. Будемъ всѣми силами защищать Св. Православную вѣру и Церковь отъ всѣхъ враговъ ея. Вспомнимъ первыхъ хрістіанъ, — какъ они дорожили своей вѣрой. Ради ея они шли на костры, принимали всевозможныя мученія и пытки, ради ея они не только не щадили жизни, но считали за счастье пожертвовать ею для блага церкви. То ли мы видимъ теперь? Не говоря уже о раскольникахъ, и изъ среды православныхъ находятъ ся такіе люди, которые позволяютъ въ своемъ присутствіи врагамъ церкви произносить дерзкія слова по адресу церкви и ея пастырей, глумиться надъ ними, тогда какъ ихъ прямая обязан-

ность, какъ членовъ церкви, какъ дѣти ея, защищать свою духовную мать. Какъ тяжело и скорбно ей за такихъ дѣтей. Св. Церковію издавна установленъ обычай: въ день, называемый „Торжество Православія“, торжественно прославлять всѣхъ защитниковъ православія и предавать анаемѣ всѣхъ хулителей ея—еретиковъ и отщепенцевъ церкви. Будемъ твердо хранить свою православную вѣру, самое дорогое наше сокровище, любить ее и защищать, дабы и намъ не подвергнуться этому грозному отлученію. Будемъ чаще прибѣгать къ своей духовной матери— Церкви и твердо запечатлѣмъ въ умѣ своемъ слова священномученика Кипріяна: „кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ“.

Священникъ *Алексій Вохомскій*.

Поѣздка на родину.

(Изъ воспоминаній сельскаго священника).

При ровной сельской жизни, юной еще моей мысли такъ естественно было въ часы досуга и отдыха, то устремляться въ таинственную даль будущаго и разрѣшаться заманчивыми мечтаніями, то оглядываться назадъ на несложное, но безмятежное милое, прошлое и съ тихою отрадою останавливаться на свѣтлыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства и быстро мелькнувшей, первой юности... Послѣ всенощной подъ Троицянъ День сижу въ своемъ кабинетикѣ у открытаго окна. Вечеръ ливный. Сирень дышетъ ароматомъ, свѣжіе листочки замерли въ дремотѣ—не колышутся, съ рѣзки поднимается тонкій паръ, заблестѣли уже и звѣздочки въ синевѣ неба—изъ задумчиваго парка льются соловьиныя трели, а тамъ, вдали—дрожать и замираютъ въ воздухѣ звуки монастырскаго трезвона. Западъ еще пылаетъ огнистою красотою, а къ темному востоку ползутъ блѣдныя полосы,—предвѣстницы готовой вслыхнуть денницы. Во всемъ организмѣ чувствуется пріятная усталость послѣ службы, а душа работаетъ: славно дышется этою разлитою въ ночной тишинѣ красотою, хочется послать хвалу Творцу—все премудро сотворившему, вылить эту хвалу завтра за Литургіей— въ словѣ къ своимъ простымъ прихожанамъ. Планъ слова созрѣлъ... Пора бы и на отдыхъ, но мысль скользнула назадъ, въ прошлое, вспомнилась родина... Тамъ день Св. Троицы—храмовой праздникъ... Сколько радости приносилъ онъ бывало дѣтскому сердцу... Вотъ, такой же какъ сейчасъ ливный вечеръ: высокій бѣлый храмъ, въ сумракѣ ярко выдѣляется своими освѣщенными окнами... Служба длится... Не

достоишь, скользнешь въ любимый садъ, весело ныряешь здѣсь въ высокой травѣ, прислушиваешься къ лѣтнюю, несущемуся изъ открытыхъ оконъ храма... Заглянешь и въ чистую, уютную родную горенку, здѣсь привѣтливо льются въ сумракъ лучи лампы. Ждешь когда придетъ отъ службы отецъ и дастъ благословенный хлѣбъ...

Старинный соборъ уѣзднаго города. Долго, долго идетъ торжественная служба. Душно въ храмѣ, устали мы мальчуганы школьники. Стоя на колѣнахъ во время молитвъ, слова которыхъ гулко сливаются въ неясные звуки, любуешься то на букетикъ цвѣтовъ въ рукахъ, то глянешь въ окно. Воздухъ насыщенъ солнцемъ. Внизу подъ горою блеститъ широкая рѣка, а за ней цестрѣтъ цвѣтами луговая даль... Сердце рвется туда въ родной погостъ, гдѣ такъ славно теперь, и въ воображеніи одна за другой мелькаютъ картинки дѣтской жизни въ родномъ гнѣздышкѣ. Забудешь все окружающее и начнешь высчитывать сколько дней осталось до лѣтнихъ каникулъ.

Уютная семинарская церковь. Густая толпа молящихся, а за ней у стѣнокъ мы юноши свѣжіе, зеленые, какъ эти украшающія храмъ древесныя вѣтви...

Благоговѣно, торжественно течетъ служба, стройно звучитъ хоръ молодыхъ голосовъ. Вдумываешься въ глубокой смыслъ праздника, въ историческій ходъ развитія хрістіанства, останавливаешься на тѣхъ свѣтлыхъ картинахъ и образахъ духовной весны человѣчества, что ярко изображаютъ „Дѣянія св. Апостоловъ“ и сказанія святооческія... и радостно забьется сердце... А послѣ обѣдни обширный садъ манитъ своей тѣнію... Приятно въ его прохладѣ... Слышится гулъ городской жизни, а ты сидишь себѣ подъ любимыми липами, и мечтаешь о близкой возможности жить и работать среди родной, милой сельской обстановки...

Вотъ и мечты юности стали дѣйствительностію: прекрасная природа обнимаетъ меня своимъ благоуханіемъ, подъ покровомъ іюньской ночи дремлетъ село, что доврчиво зоветъ меня бабюшкой... Захотѣлось искренно помолиться, во время завтрашней Литургіи за эту мирную весъ — и понасть потомъ хоть запоздалымъ гостемъ въ родной погостъ, къ старику отцу, что доживалъ въ одиночествѣ дни свои.

Радостно и оживленно въ молитвенномъ общеніи съ прихожанами и сладкомъ отдыхѣ среди природы протекли дни Св.

Троицы, такъ бы и замерли, остановились эти безмятежные дни... Такъ хороши они были...

На утро послѣ Духова дня запрегъ въ маленькій тарантасикъ свою лошадку и тронулся въ путь... Хотѣлось больше и больше наглотаться впечатлѣній отъ красокъ родной природы... и 120 верстъ въ тарантасѣ я предпочелъ томленію душныхъ вагоновъ...

Замелькали поля, дуга, перелѣски, все было обрызгано росю, цвѣло, благоухало подъ дружнымъ хоромъ птичекъ... Солнце поднималось выше и выше на безоблачный небосклонъ. Тихо, день обѣщаетъ быть жаркимъ... Но какъ славно кругомъ, даже эти сѣренькія деревенки, опушенные зеленью огородовъ, особенно привѣтливо выглядываютъ въ прозрачномъ туманѣ юнскаго утра. Мелькнули двѣ небольшія помѣщичьи усадьбы съ тихими, подъ дремлющими ивами, прудами. Здѣсь такъ все благоустроено. Широко раскинувшіеся фруктовые сады опоясываютъ нивы густой и уже высокой, слегка волнующейся ржи. Тѣнистыя липы съ душистыми тополями дружно опоясываютъ хорошенькіе домики. Порядкомъ и довольствомъ дышатъ эти мирные уголки. Сердце забилось желаніемъ, чтобы побольше раскинулось у насъ на Руси такихъ пріютовъ разумнаго труда, чтобы, подражая имъ въ культурѣ, и наши домики у сельскихъ храмовъ и крестьянскіе избышки пріятно поражали взоръ своею уютностію и плодами разумнаго труда... Этотъ безбрежный просторъ полей и лѣсовъ такъ наглядно выражалъ, гдѣ именно на Руси таится ея мощь и сила.

Въ тишинѣ утра звонко льется благовѣсть съ высокой бѣлой колокольни большого села. Не утерпѣлъ, чтобы не зайти въ храмъ. Началась уже Литургія. Человѣкъ 5 женщинъ усердно молятся. Батюшка служитъ такъ пріятно, выразительно. Заглянулъ съ клироса въ алтарь, священникъ усердно молится, дымъ кадильный — тонкой струйкой уносится въ открытое окно, точно стремится къ этимъ голубымъ небесамъ, опрокинувшимся надъ красотами земнаго міра; слава Богу, думалось мнѣ въ этомъ пустынномъ храмѣ, есть добрые уголки, гдѣ тихо, незамѣтно, но ясно мерцаютъ вѣра простыхъ русскихъ людей!..

Пора однако и отдохнуть. Вотъ у крайней избы такой славный палисадникъ, попрошу здѣсь изготовить самоварчикъ, въ трактиръ идти пить чай не хочется, жаль унылыми впечатлѣніями нашихъ деревенскихъ трактировъ понижать свѣтлое настроеніе

навѣянное благодатнымъ утромъ... Семья крестьянская дружно откликнулась на мою просьбу... Всѣ засуетились, кто отпрягать лошадь, кто готовить и накрывать столъ, кто ставить самоваръ. Спустя полчаса мы вмѣстѣ съ радушнымъ хозяиномъ, въ густой тѣни акацій, пили уже чай со сладкими лебешками, а къ концу нашего завтрака я зналъ всѣ несложные интересы, заботы гостепріимной семьи. Опять въ путь, жара томить. Все точно замерло въ полуденномъ зноѣ. Лошадка бредетъ медленно, но любо смотрѣть на разливъ лѣтней красоты. Вотъ высокая колокольня одной женской общины царитъ надъ бархатною зеленою рощь, точно на нихъ, какъ на зеленомъ фундаментѣ утвердила свое основаніе. Спасибо знатной и богатой женщинѣ за то, что свои средства употребила она на устройство въ этомъ чудномъ уголкѣ молитвенно-трудоваго пріюта.. Вонъ между крутыхъ бережковъ быстро струится свѣтла рѣчка. Остановливаюсь, пою коня, освѣжаюсь купаньемъ и снова въ путь... Дохнулъ вѣтерокъ, горизонтъ потемнѣлъ.. Быстро заскользили по небосклону густыя облака — предвѣстники грозы.. Все въ природѣ ветренулось отъ налетѣвшаго вѣтра... А темно-синяя туча медленно ползетъ съ юго-запада, завоевываетъ небо своєю бурливою грудью, чаще и чаще бороздится огненными змѣйками... Лошадка приободрилась, побѣгла, точно подгоняли ее усилившіеся порывы вѣтра. За лѣсочкомъ село, хорошо бы доѣхать до дождя, но любо дышать и посвѣжѣвшимъ, ароматнымъ воздухомъ, любо созерцать, какъ стихія готова разбушеваться въ безграничномъ небесномъ просторѣ. Любо внимать приближающимся раскатамъ грома, отъ которыхъ, кажется, готовы задрожать окрестности. Столбъ пыли закружился по сельской улицѣ. Скорѣй подъ крышу, крупныя капли дождя уже бойко ударяютъ... Но къ кому? Вотъ у самой церкви утонулъ въ зелени сада небольшой домикъ, вѣроятно священника, такъ къ кому же, какъ не подъ крышу своего собрата... Батюшка пожилой и лично не знакомый, встрѣтилъ при вѣтливо, принялъ по родственному, пока грохотала гроза, бушевала буря и лилъ дождь — мы оживленно наговорились, напились чайку въ холодной горницѣ, закусили и могли бы при желаніи вкусить отъ „радушной батареи“, какъ выразительно назвалъ радушный хозяинъ рядъ разноцвѣтныхъ бутылочекъ съ согрѣвательною жидкостью разныхъ сортовъ, но въ воздухѣ было и такъ влажно и орошаться изъ батареи мы не пожелали.

Солнце склонилось уже къ западу, когда я бодро продолжалъ свой путь; все кругомъ, освѣщенное обильною влагою, зе-

дѣло, цвѣло, благоухало, пѣло, еще ярче, сильнѣе, громче. Такъ бы и купался всегда въ волнахъ чуднаго воздуха. Въ пышной зелени густаго обширнаго лѣса ярко блеснулъ крестъ, по мѣрѣ приближенія къ нему онъ все привѣтливѣе манилъ своимъ красивымъ мерцаніемъ отъ солнечныхъ лучей... Среди лѣсной чащи открылась небольшая полянка, усыпанная цвѣтами, а на краю ея, оцѣпленная кустами сирени, акаціи, — архитектурный, высокій, по какъ бы покланувшійся храмъ... Краска со стѣнъ облетѣла, на крышѣ по мѣстамъ проростала зелень, стекла повывиты, и въ пустомъ храмѣ слышался своеобразный гулъ отъ полета голубей... Въ густой травѣ темнѣли старинные надгробные памятники, а за ними виднѣлись руины какихъ то каменныхъ построекъ... Потомъ я узналъ преданіе про печальную исторію храма. Когда то этотъ прекрасный уголокъ принадлежалъ богатому помѣщичьему роду, изъ котораго одинъ построилъ храмъ, но отдѣлать его не успѣлъ, потомуки его продолжали дѣло но роковымъ образомъ, самоубійствомъ, оканчивали жизнь. По народной молвѣ тяжкіе грѣхи лежали на томъ барскомъ родѣ и мѣшали довести до конца доброе дѣло. Такъ за несчастною кончиною послѣдняго изъ рода храмъ остался недодѣланнымъ, и имѣніе запустѣло, но самая печаль запустѣнія набрасывала на этотъ уголокъ колоритъ таинственности. Я залюбовался видомъ... А внизу, подъ горкой говорливо журчалъ ручеекъ, а подъ нимъ вдругъ нѣжно разлилась чья то звонкая, задушевная пѣсня, кто то видно забрелъ сюда, залюбовался красотой вида, и въ пѣснѣ выливалъ свѣтлый порывъ души своей... А соловьи, точно пробужденные пѣснью, громче залились причудливыми трелями. Я продолжалъ стоять. Солнце сѣло, на крестѣ храма погасъ послѣдній лучъ. Долина благоухала, тонкій паръ отъ нея поднимался туда въ высь, къ этимъ, замелькавшимъ въ безпредѣльной синевѣ, звѣздочкамъ. Казалось, природа несла дань благодаренія Творцу за горячіе лучи солнечные, за благодатный дождь... Невольно думалось: неужели человѣкъ отстанетъ въ пѣснѣ хвалы и благодаренія, отъ этой прекрасной, хотя неодушевленной природы? Такъ захотѣлось, чтобы здѣсь, среди разлитыхъ обильно красотъ природы, зазвучала пѣснь хвалы Господу и въ этомъ заустѣломъ храмѣ!.. Ночь надвигалась, та благодатная, прозрачная іюньская ночь, красоты которой трудно передать перомъ, но хорошо чувствовать непосредственно... Та ночь, въ которую точно чья то таинственная рука дивно переноситъ послѣдній лучъ потухающаго заката вспыхивающему красотой новаго дня востоку...

Однако лошадка устала. Пора подумать и о ночлегѣ, а кстати ночлегъ обѣщалъ быть удачнымъ. На горкѣ въ сторонѣ виднѣлся небольшой храмъ. Я вспомнилъ: здѣсь начинается священствовать одинъ изъ близкихъ мнѣ товарищей по семинаріи; не задумываясь оборачиваю коня къ храму. Хорошій домикъ батюшки уютно примыкалъ къ темной липовой рошѣ, а въ ней на лавочкѣ и самъ батюшка со своей молодой матушкой видимо благодушествовалъ. Замѣтивъ меня, быстро направились ко мнѣ па встрѣчу оба: по ихъ привѣтливымъ лицамъ я заключилъ, что радшіе, покой и живую бесѣду найду подъ крышею хорошенкаго домика.

И не ошибся. Востокъ совершенно уже окрасился зарею, когда мы съ товарищемъ крѣпко заснули въ прохладной, садовой бесѣдкѣ послѣ оживленнаго обмѣна впечатлѣніями первыхъ шаговъ своей пастырской дѣятельности...

Утромъ, не будя товарища, я поспѣшилъ тронуться въ путь, зная съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ меня теперь старикъ отецъ, да и у самого меня сильно билось сердце къ мѣстамъ знакомымъ, милымъ и роднымъ, а они къ тому же не замедлили показаться. Вонъ надъ рѣкою, на крутомъ обрывѣ заблѣлся домикъ, въ которомъ еще такъ недавно мы устраивали домашній спектакль, вонъ тамъ и здѣсь знакомыя церкви, гдѣ бывалъ и за службами, и въ гостяхъ у радужныхъ батюшекъ, вотъ дорога, по которой обыкновенно прїѣзжалъ на кавикулы со станціи и возвращался обратно въ Москву.. Сколько разнообразныхъ, грустныхъ и радостныхъ настроеній пережито было въ свое время на этой дорожкѣ!.. А вотъ показалась и высокая колокольня родного погоста, опоясанная зеленью обширныхъ фруктовыхъ садовъ. Въ раздумьи, навѣянномъ воспоминаніями невозвратно прошлаго, я не замѣтилъ какъ очутился у родного дома. Праздникъ въ полномъ разгарѣ, на улицѣ то и дѣло встрѣчаются знакомые поселяне, такіе веселые привѣтливые, правда нѣкоторые изъ нихъ подъ хмѣлькомъ, но въ приподнятомъ, радостномъ настроеніи хотѣлось закрывать глаза на обычные недочеты нашей народной жизни, хотѣлось и жизнь людскую представлять въ томъ же прекрасномъ видѣ, какимъ блистала сейчасъ весенняя одежда родного погоста.

Незамѣтно промелькнулъ остатокъ дня въ задушевномъ разговорѣ съ добрымъ отцемъ; онъ всегда былъ чутокъ ко всему, что занимало, волновало меня, и едва ли я съ кѣмъ еще могъ

тогда такъ открыто, — сердечно бесѣдовать. Разказалъ ему про свои думы, планы, описалъ живо и подробно свою несложную жизнь, на многое получилъ самый сочувственный откликъ и рядъ простыхъ, но жизненныхъ совѣтовъ... Несмотря на разность лѣтъ души наши были очень созвучны, помнится, когда потомъ отецъ скончался, я скорбѣлъ о немъ не только какъ о родномъ, близкомъ человѣкѣ, но и какъ о самомъ искреннемъ, незамѣнимомъ другѣ.

Прозрачная ночь однако погрузила въ сумракъ нашу горенку. Пора старичку дать покой. Скоро домикъ погрузился въ молчаніе. 70-лѣтняя служанка давно уже дремала за печкой. Но мнѣ не до сна, голова и сердце расшевелились. Опять вереницею потянулось прошлое въ дорогихъ образахъ, пережитыхъ картинахъ. Сижу на крыльцѣ, напротивъ дерева стариннаго сада своими темными вершинами обрисовываютъ прихотливо зубчатый уборъ на фонѣ свѣтлой зари... Въ оградѣ у церкви бѣлѣтся памятникъ надъ могилой матери. Помню въ одну изъ предсмертныхъ ночей ея, усталый, скорбный въ дивную весеннюю ночь сидѣлъ я на этомъ же самомъ крыльцѣ, горевалъ о страданіяхъ матери, а вотъ теперь се скрываетъ уже могильный холмикъ... каково то родимой тамъ?.. Но кругомъ такъ хорошо... Если въ этихъ земныхъ мгновеніяхъ можно переживать свѣтлыя, радостныя минуты, то неужели ихъ не испытаемъ тамъ, въ вѣчномъ царствѣ нашего Милосерднаго Отца Небеснаго?.. Вѣрится, что тамъ будетъ несравненно лучше... Отъ могилы матери мысль метнулась къ старику отцу... Чувствую: угасаетъ и его жизнь, старость замѣтно накладываетъ свою разрушительную руку, можетъ и его скоро пріютить холмикъ въ оградѣ. Жалею и грустно. Даже совѣстно испытывать юную жизнерадостность, свободно дышать молодою грудью, когда родной человѣкъ близится къ закату своему... Одно, но слабое утѣшеніе: придетъ пора и я устарѣю, и во мнѣ поблекнутъ краски юности... Таковъ удѣлъ всѣхъ смертныхъ на свѣтѣ, мимолетна для нихъ земля, но зато какъ безгранично это чудное, прекрасное небо... И не подобна ли эта, пока страшная для насъ смерть переходу изъ убогой хижины въ роскошный дворецъ?! Да, неумолимо страшно было бы наше будущее въ томъ лишь случаѣ, если бы вся жизнь наша замкнута была тѣснымъ кольцомъ земныхъ думъ, заботъ, интересовъ, если бы душа наша неспособна была еще съ земли улетать на небо, и во время полетовъ еще здѣсь испытывать

свѣтлые, радостные порывы... А природа такъ дышитъ красотою, ароматомъ, такъ бьетъ кругомъ ключъ юной жизни, а около сада льется дружная, хороводная пѣсня крестьянской молодежи, и востокъ бѣлѣетъ, послѣ короткой ночи готовъ вспыхнуть новый, ясный день... Все кругомъ говоритъ о жизни, все манитъ жить... А небо такъ славно опрокинулось надъ нашимъ маленькимъ міромъ и выразительнѣе всего говоритъ о вѣчности, о красотахъ этой вѣчности и такъ настойчиво влечетъ къ себѣ душу въ святой часъ ея раздумья!..

Утро опять встало ласковое, росистое, солнце щедро насыщаетъ воздухъ горячими лучами. Иду служить Литургію въ родномъ храмѣ, внимаю знакомому благоговѣсту. Переступаю порогъ родного храма. Здѣсь, подъ его свѣнію протекли лучшія минуты дѣтства и юности, здѣсь слагалось во мнѣ то настроеніе, что повлекло меня къ алтарю, и радостно было служить заупокойную Литургію по матери и служилось хорошо. Служу, по временамъ невольно взглядываю въ открытое окно, чувствую вливающийся ароматъ прекраснаго утра, вижу могилу матери, сердце умиляется, слеза невольно падаетъ на коврикъ у престола, голось дрожить, колѣна склоняются для глубокаго поклона вѣры... Неужели родимая не слышитъ въ томъ мірѣ искренняго порыва моего сердца?

„Ну, мой милый, наговорились всласть... Прощай. Спасибо что навѣстилъ... И я среди лѣта приплетусь къ тебѣ“... Говорить на прощаньи отецъ. Грустно... Жаль покидать родное гнѣздо. Чувствуешь, что пока преобладаютъ впечатлѣнія, нажитыя здѣсь... Новая, самостоятельная жизнь еще въ самомъ утрѣ... У ней цѣлая даль будущаго, а все то, пережитое здѣсь, — милое, но уже невозвратное прошлое... Проводить меня высыпали всѣ немногочисленные обитатели погоста. Слышу добрыя пожеланія, напутствія. День ясный, а на душѣ грустно... Горячо прощаюсь съ отцемъ. Вѣзмъ глубокій, искренній благодарный поклонъ, и тарантасикъ покатилъ между нивами красиво волнующейся ржи. Отецъ медленною походкою идетъ до межи... Останавливается... Вѣтерокъ шевелитъ его сѣдые волосы. Онъ смотритъ пристально вслѣдъ мнѣ... Грустно. Слеза невольно навертывается... Еще глубокій поклонъ родному гнѣздышку. Прости, дорогое спасибо за все, за ту мирную, добрую колею, которой катилась здѣсь моя безмятежная юность... Дай Господи, чтобы и трудовое, невѣдомое будущее въ иныхъ мѣстахъ катилось той же колеей...

А солнце свѣтитъ, и птички поютъ, теплый вѣтерокъ обвѣваетъ лице, и рожь кругомъ волнуется, но уже невидно родного, только крестъ-храмъ привѣтливо блеститъ, да сады синѣютъ широкой лентой... (Моск. Ц. В. № 23). О. А.

Интересующимся противораскольнической полемикою.

Вышла въ свѣтъ книга священника Кандарицкаго: „Опытъ систематическаго пособія при полемикѣ съ старообрядцами съ краткимъ очеркомъ развитія древнихъ сектъ и русскаго раскола-старообрядчества“ (въ 720 стр., цѣна 3 руб. 50 коп. съ пересылкою). Во множествѣ книгъ и брошюръ противораскольническаго содержания заключено цѣлое богатство мыслей, основаній, доводовъ и свидѣтельствъ для выясненія правоты ученія св. церкви и неправоты старообрядческаго раскола. Изучивъ ихъ, ревнующій о спасеніи заблудшихъ можетъ раскрыть ясно и доказательно шаткость догматическихъ основъ и нравственныхъ устоевъ раскола, представить убѣдительныя данныя въ защиту церкви православной отъ злохуленій раскольниковъ. Пользованіе всѣми нужными для правильной борьбы съ расколомъ руководствами-книгами и брошюрами очень затруднительно и потому, что цѣнныя мысли и свидѣтельства разбросаны въ массѣ руководствъ и надо имѣть крѣпкую память, чтобы знать, гдѣ что найти въ нихъ, и потому, что для сельской приходской церкви обременительно бываетъ приобрести всѣ необходимыя въ полемикѣ со старообрядцами книги. Въ изданной священникомъ Кандарицкимъ книгѣ собрано и систематически сгруппировано все важное и существенное, что находится во множествѣ руководствъ и пособій, написанныхъ въ обличеніе старообрядческаго раскола, поэтому она можетъ оказать большую услугу особенно лицамъ начинающимъ свое миссіонерское поприще. Жалко, что цѣна книги довольно значительная. Издатель о. Кандарицкій намѣренъ облегчить приобретение книги предложеніемъ сдѣлать 25% скидки съ назначенной имъ цѣны, если книга приобретается на наличныя деньги въ количествѣ 10 экземпляровъ. Поэтому, лицамъ, желающимъ имѣть новое руководство, весьма важное для борьбы съ расколомъ, мы совѣтуемъ сдѣлать заявленіе о семъ складу книгъ Вологодскаго Спасскаго Братства, который по полученіи достаточнаго количества заявленій можетъ выписать по удешевленной цѣнѣ отъ автора нужныя книги.

Въ Вологдѣ въ виноторговлѣ торговаго Дома И. А. Перушина Сыновой, противъ Александровскаго сада, (помѣщеніе бывшее Львова) поступило въ продажу натуральное виноградное крымское ЦЕРКОВНОЕ ВИНО свѣтл. князя *К. А. Горчакова* въ бутылкахъ разныхъ цѣнъ, Натуральность и высокое качество котораго извѣстно большинству Епархіальныхъ свѣчныхъ лавокъ

6—6

И. Суворовъ. Церковныя пѣснопѣнія, положенныя для четырехголоснаго полнаго хора.—

1. Кровь Твой Богородице Дѣво.—2. Чистая Дѣво, Слова врата.—3. Ты моя крѣпость, Господи.—4. Воскресеніе Твое Христе Спасе. Эти четыре № ра въ одной тетради. Ц. 80 коп.
5. Господи, запечатаву гробу. Ц. 40 к.—6. Векую мя отринуть еси.—7. Радости вся исполнишася. Два пѣснопѣнія въ одной тетради —Ц. 40 коп.—8. Стихиры Успенію Пресв. Богородицы. Ц. 40 к.—9. Во свѣтъ Твоемъ, Владыко. Ц. 16 к.—10. Во струяхъ Иорданскихъ. Ц. 20 к.

Выписывать по адресу: Москва, магазинъ П. Юргенсонъ.

Содержаніе:

1. „Кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ“.—
2. Поѣздка на родину.—3. Интересующимся противораскольнической полемикою.

Редакторъ **Ив. Суворовъ.**

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1908 г.